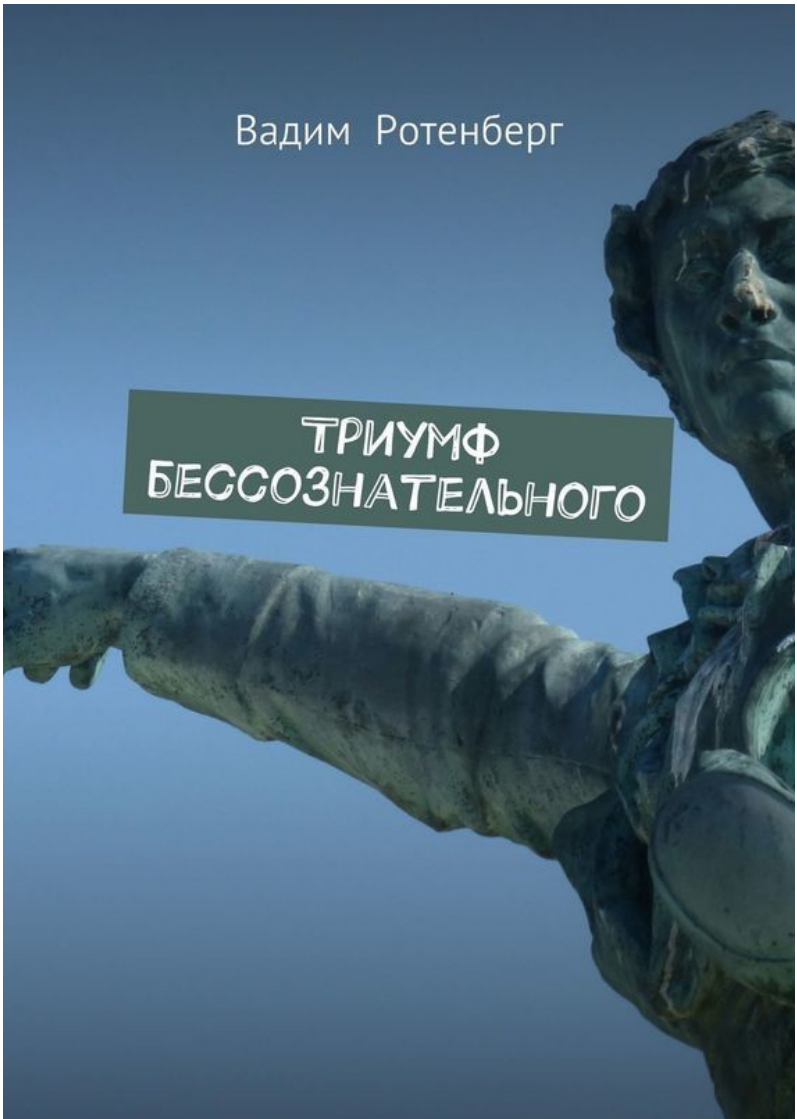
Вадим Ротенберг

ТРИУМФ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО



Вадим Ротенберг
Триумф бессознательного

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10749319
ISBN 978-5-4474-1036-0

Аннотация

Почему тоталитарные режимы, а так же А. Ахматова и В. Набоков, не любили психоанализ; парадоксы у О. Уайльда, Б. Шоу и У. Шекспира; рассказы о неординарных личностях и необычных событиях; о самоидентификации лишенных самоидентификации; очерки психологии личности; интеллектуальные девушки и их проблемы; о том, чем плох перфекционизм; истории из собственной жизни и другие истории в собрании эссе Вадима Ротенберга.

Содержание

Личности 5
Триумф бессознательного 5
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Триумф бессознательного сборник эссе
Вадим Ротенберг

© Вадим Ротенберг, 2015
© Вадим Семенович Ротенберг, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Песок, которым в детстве мы играли,
И тот, что сыпется в часах песочных
Один и тот же. Кажется, нарочно
Придумать это мог бы кто едва ли.

Он сыплется. А мы еще играем,
Меж пальцев пропуская по крупице,
В надежде, что пока он так струится,
Успеем вновь наполнить горсть до края.

Личности

Триумф бессознательного

Событие, о котором я хочу рассказать, активно готовилось в течение четырех лет. И тем не менее, когда оно наконец свершилось, в это с трудом могли поверить не только многочисленные его участники, но и сами инициаторы и организаторы. Влияние же этого события на психологический климат в гуманитарных науках в СССР так и осталось недооцененным, хотя на следующий год после этого события американцы провели посвященный ему специальный симпозиум под названием «Значение Тбилиси».

Речь идет о Международном Конгрессе по Бессознательному Психическому, состоявшемся в Тбилиси в октябре 1979 г. Я последний, кто остался в живых из его организаторов, и хочу рассказать об этом уникальном Конгрессе то, что не было известно большинству его участников, принявших эту встречу в Тбилиси как неожиданный и неправдоподобный подарок. О содержании выступлений и дискуссий можно узнать из 4 томов материалов Конгресса, в которых освещены практически все проблемы бессознательного, и некоторых из них я коснусь в этой статье. Но об атмосфере, в которой готовился и проходил Конгресс, и о людях, его подго-

товивших, можно узнать только из рассказов очевидцев.

Итак, прежде всего немного об атмосфере в советской философии, психологии и психиатрии в то время, когда профессор Филипп Вениаминович Бассин задумал созвать Международный Конгресс по этой тематике. К этому времени уже на протяжении десятилетий понятие бессознательного психического отождествлялось в СССР с самыми «реакционными» направлениями в науке. О бессознательном говорили, как об основном концепте психоанализа, этого «идеалистического лжеучения Фрейда». Любое упоминание психоанализа в ином контексте, не то что с положительной оценкой, но даже с попыткой пусть критического, но серьезного и уважительного рассмотрения, могло привести к большим неприятностям, потери возможности публиковаться и даже потери работы. На всей сфере бессознательного лежало идеологическое «табу».

В чем была причина такой враждебности власти? Враждебности тем более удивительной, что Россия двадцатых годов была едва ли не первой страной, в которой были переведены все опубликованные к тому времени произведения Фрейда и его ближайших учеников. Среди российских психиатров и психологов было немало поклонников психоанализа, и в крупных городах создавались психоаналитические общества. Например, во главе такого общества в Казани стоял молодой Александр Романович Лурия – впоследствии создатель нейропсихологии, получивший международное при-

знание. Обстановка для развития психоанализа в России казалась оптимальной. И вдруг, с конца 20-х годов, такой резкий поворот политики.

Между тем, поворот был естественным. Психоанализ утверждал, что поведение человека в очень большой степени определяется мотивами, которые сам человек не в состоянии осознать. Эти мотивы как правило враждебны его сознательным установкам поведения и не только не подконтрольны сознанию, но, напротив, подчиняют сознание себе, меняют осознанное представление человека о мире и о самом себе в угодном этим мотивам направлении. У нас будет возможность в последующих статьях рассмотреть это принципиальное и отнюдь не бесспорное положение, но сейчас важно понять социальные следствия из этого постулата.

Очевидно, что общество, его структуры и механизмы власти могут успешно и целенаправленно регулировать только осознанное поведение человека. Нет, это не следует понимать слишком упрощенно. Разумеется, социальные процессы, весь комплекс отношений человека и общества влияют и на его бессознательное. Но это влияние не подчинено сознанию и результаты его не осознаются. А это значит, что невозможно оказывать на бессознательное направленное и однозначное воздействие и контролировать полученный эффект. Кто может гарантировать, что весь воспитательный процесс, призванный превратить человека в послушное и «сознательное» орудие системы и власти (помните вос-

питание социалистического сознания?) не вызовет мощный протест на уровне подсознания? Причем протест этот даже трудно выявить (разве что по опискам и оговоркам), так что невозможно вести с ним открытую борьбу, и тем не менее он подспудно влияет на все поведение человека и на его восприятие мира, сводя на нет все усилия воспитателей.

Благодаря существованию бессознательного человек ускользает из под влияния тоталитарной системы. Он сохраняет свою индивидуальность и уникальность. Люди не превращаются во взаимозаменяемые роботы. Коллектив состоит из личностей, а не из винтиков. Недаром во время Конгресса один член французской делегации сказал, игнорируя все принципы политической корректности в стране, «победившей» психоанализ: «Без психоанализа нет свободы».

Тоталитарная система не может этого допустить. Она не может позволить себе зависеть от скрытых, не поддающихся отчету и контролю побуждений и настроений индивида. И она объявила войну бессознательному. У советского человека никакого бессознательного быть не может и не должно – это пожалуй самая опасная из всех видов частная собственность.

Думаю, что таков же механизм острой враждебности к психоанализу гитлеровского рейха. Там эта враждебность еще усиливалась еврейским происхождением наиболее выдающихся лидеров психоанализа – почти всех, кроме К. Юнга. Кстати, к учению последнего в Германии было терпи-

мое отношение повидимому не только вследствие арийского происхождения автора, не только потому, что он единственный из видных теоретиков психологии принял фашистскую идеологию, но и потому, что в его учении индивидуальное бессознательное было подменено бессознательным коллективным, одинаковыми для всех архетипами, которые легко вписывались в мифологию национал-социализма. Уникальность же психической жизни была одинаково отвратительна обоим тоталитарным режимам.

Интересно, однако, что резко отрицательное отношение к психоанализу проявляли и люди с максимальной внутренней свободой и богатой психической жизнью – выдающиеся деятели искусства, такие как А. Ахматова, В. Набоков и многие другие. Этому тоже есть свое объяснение. Открыв огромную роль бессознательного в психической жизни человека и безграничное богатство этого бессознательного, психоанализ как бы сам испугался своего открытия и попытался ввести это богатство в некоторые им самим придуманные рамки. З. Фрейд начал, а его последователи успешно продолжили сведение всего обилия неосознаваемых мотивов к сексуальным и разрушительным. Вся многозначная символика бессознательного, проявляющаяся в сновидениях, загонялась в прокрустово ложе однозначных психоаналитических кодов, согласно которым, например, любой удлиненный предмет это только символ пениса. Человеческое творчество стало рассматриваться всего лишь как проявление сублима-

ции неудовлетворенных сексуальных потребностей. Я как-то заметил по этому поводу, что мне в этой интерпретации обидно в обе стороны – и за творчество, и за сексуальные отношения – обе эти богатейшие стороны человеческой жизни достойны большего. И если Фрейд под «либидо» понимал жизненную энергию, а не только половое влечение, то в дальнейшем этот термин все более становился синонимом сексуальности. Психоанализ сузил рамки бессознательного во имя «научности» концепции, и творческие люди интуитивно это всегда ощущали. Упрощенные трактовки, готовые схемы, превращение образов в универсальные символы не совпадало с их личным опытом и вызывало протест. Таким образом, советские идеологи и Набоков критиковали психоанализ не просто с разных, а с прямо противоположных позиций.

И вот, в условиях такой враждебности со стороны системы к самой идее бессознательного, в 1975 г. профессор Бассин, руководитель методологического семинара Института Неврологии АМН (должность более чем идеологическая) неожиданно предлагает мне помочь ему организовать Международный Конгресс по проблеме Бессознательного с участием всех ведущих западных ученых.

Это невозможно было принять всерьез. От этого невозможно было отказаться. Это было безумие. Это была авнтюра. На это стоило, черт возьми, потратить время и силы – даже с высоким риском, что из этого ничего не выйдет, кроме

больших неприятностей.

Я был знаком до этого с Бассиным года два. Он был вдвое старше меня, и за несколько лет до нашего знакомства прославился монографией «Проблемы бессознательного». Я прочитал ее с очень смешанным чувством. Автор был блестяще эрудированным человеком, с острым умом, склонным к парадоксам, широким ассоциациям и неожиданным логическим ходам. Это была увлекательная книга, безусловно обращавшая на себя внимание не только тематикой, переведенная вскоре на многие языки. И одновременно это была грандиозная мистификация. Потому что автор делал вид, что критикует учение Фрейда, называя бессознательным то, что никогда не обсуждалось в таком качестве психоанализом. Бассин в действительности писал не о бессознательных психических процессах, которые имеют определенное смысловое содержание и не существуют в отрыве от сознания (об этом у нас еще будет возможность поговорить подробнее). Он писал о физиологических мозговых механизмах, о работе клеточных систем, лежащих в основе и сознания, и бессознательного, но не имеющих отношения к их содержательной, собственно психической стороне – т. е. к тому единственному, чем занимался психоанализ. Разумеется, эти физиологические процессы функционируют без участия сознания, и в этом смысле они бессознательные, как функционируют без участия сознания и клетки других тканей организма. Их деятельность является условием функциони-

рования психических процессов в том же смысле, в каком детали компьютера являются условием функционирования обрабатывающих информацию программ. По этой аналогии и мозговые механизмы, о которых писал Бассин, нейтральны по отношению к психическим процессам. Потому что наша психика, вопреки распространенной точке зрения – это не функция мозга. Это функция взаимодействия мозга с окружающей средой, прежде всего – социальной средой, т. е. информацией, которую поставляет среда. Вне этого взаимодействия психическая жизнь не существует, как бы ни были совершенны сами мозговые механизмы. Из книги было видно, что автор прекрасно все понимает и совершает подмену сознательно. Все его критические выстрелы против Фрейда были выстрелами в пустоту, но иногда он, как бы между делом, подсовывал читателю сведения о подлинном психическом бессознательном, о внутренних конфликтах и защитных механизмах – сведения, которые в те годы было больше неоткуда почерпнуть.

Я прочитал и по молодости лет возмутился подтасовкой. В то же время, встречая Бассина на конференциях и слушая рассказы о нем общих знакомых, я не мог не заинтересоваться этим человеком и не поддаться обаянию его личности. И именно потому, что он очень мне нравился, при первом же знакомстве я не мог не сказать ему совершенно откровенно, что считаю его книгу большим жульническим трюком. Я просто не мог бы продолжать с ним знакомство на том уров-

не, на котором хотел, не сказав ему это.

Ф. В. посмотрел на меня с характерной лукавой улыбкой, оценивающе и насмешливо, и ответил: «Поговорим об этом, батенька, через несколько лет. Может быть, я сумею убедить Вас, что книга не такая вредная, как Вам сегодня кажется». Забегая вперед, скажу сразу, что на открытии Конгресса в Тбилиси, когда у всех нас кружилась голова от невероятности происходящего, Бассин спросил меня, кивнув на переполненный зал: «Как Вам это нравится? А помните, что Вы говорили мне о моей книге? Без того жульнического трюка был бы невозможен этот Конгресс».

Я должен был согласиться. Книга и последующие публикации Ф. В., на первый взгляд выглядевшие лояльными к официальной идеологии, расшатывали барьеры, вводили проблему бессознательного в круг научного обсуждения и в конце концов выполнили функцию Троянского коня. Ф. В. сделал для легитимизации этой проблемы в СССР больше, чем любой другой ученый.

Я не могу удержаться чтобы не рассказать немного о самом Бассине. Невысокий худощавый человек с вольтеровски острым лицом и вольтеровской же неизменной усмешкой, в свои семьдесят лет был самым живым собеседником в компании людей любого возраста. Скорость, с которой он схватывал суть проблемы, была удивительной. Видевший ситуацию с беспощадной ясностью, он отличался при этом неправдоподобным оптимизмом и энергией, которые

в сочетании давали ощущение безграничного энтузиазма. Он и впрямь совершенно не ощущал своего возраста. Однажды, спустя несколько лет после знакомства, мы сидели в кафе и я жаловался на бесперспективность моего рабочего положения. Внезапно он сказал: «Что Вы торчите в Москве? Хотите, я помогу Вам получить лабораторию в Тбилиси? Вы будете там долго, счастливо и плодотворно работать в очень благоприятной обстановке, а когда Вы умрете, я добьюсь, что на здании института Вам установят мемориальную доску». Я засмеялся. Он был, напоминаю, вдвое старше меня. Но самое интересное – он почти не шутил. Казалось, он и вправду верит в свое бессмертие.

Он был остроумный и очень спонтанный человек. На каком-то совещании выступавший профессор говорил о нем что-то положительное и называл его «Филипп Васильевич». Филипп Вениаминович наклонился ко мне и шепнул: «Он придумал мне защитное отчетство».

Однажды вдруг повеяло рецидивом борьбы с космополитизмом. В научном журнале появилась статья какого-то ничтожества с хулиганскими нападками на А. Р. Лурия. Бассин ответил довольно резкой репликой в печати. Остальные промолчали. При встрече со мной Бассин возмущенно говорил: «Подумать только, она облила грязью такого ученого, как Лурия, и не нашлось ни одного умного и порядочного человека чтобы ответить». «Ну как же ни одного? Вы ведь ответили» – возразил я. «А я не порядочный» – тут же па-

рировал Бассин с характерным смешком.

Он казался человеком тонко чувствующим коньюнктуру, а был при этом азартным и смелым и вступался за друзей. Дважды он помогал мне в конфликтных ситуациях, и одна такая история была особенно опасной. Вскоре после Конгресса в Журнале Невропатологии и Психиатрии появилась редакционная статья, где мои публикации в журнале «Вопросы Философии» противопоставлялись статьям Ленина. В 1980 г. это было серьезное обвинение. А тут еще в одном западном журнале появилась статья о проблеме сновидений с такой очаровательной фразой «Таким образом, Аммон, в противоположность Фрейду и Ротенбергу, считает…". Быть противопоставленным Ленину и сопоставленным с Фрейдом – это было несколько чересчур для советского гражданина, у которого докторская диссертация еще лежала в ВАКе. Бассину позвонил из Парижа наш общий друг профессор Шерток, и осторожно, ненавязчиво поинтересовался, работает ли еще Ротенберг.

Бассин написал блистательный ответ и добился его опубликования в том же журнале, где меня противопоставляли Ленину. Автор напрвленной против меня статьи так растерялся, что в комментарии к ответу Бассина написал: «Разве кто-то выступал против идей Ротенберга?» Поскольку противопоставление Ленину было очевидным, оставалось сделать вывод, что критиковал он позицию Ленина.

Точно так же вступался Бассин и за других людей, нуж-

давшихся в поддержке – и делал это всегда со скептическими комментариями стоика, не очень верящего в успешность своих действий, но действующего вопреки этому неверию.

Я вспоминаю эти подробности не только из желания воздать должное ушедшему учителю и другу, но и потому, что в них отразилась эпоха, в которой мы жили, и поведение людей в эту эпоху. Эпоха определяется далеко не только тем, что делают с нами власти и обстоятельства, но и тем, что делаем мы сами. Самоуважение и достойное поведение людей, их интерес не только к собственной карьере – тоже принадлежность этой ушедшей эпохи.

Вернемся к организации Конгресса. Бассин в лучших российских традициях в сущности предложил мне быть третьим и сообразить этот Конгресс на троих. Вторым был грузинский философ Аполлон Епифанович Шерозия, воспринявший авантюрную идею Бассина с большим энтузиазмом. Именно он взял на себя задачу убедить высокие академические и политические инстанции Грузии организовать этот Конгресс в Тбилиси. Это была счастливая идея. Бассин понимал, и это быстро подтвердилось, что в Москве и Ленинграде мы встретили бы отчаянное сопротивление высокопоставленных идеологов и могущественных бюрократов. Грузины же ценили свою относительную независимость, а перспектива такого научного Конгресса очень повышала их самоуважение, особенно с учетом запретной тематики.

Не менее важно было то, что Институт Психологии в Тби-

лиси был основан выдающимся ученым Узнадзе, разработавшим концепцию неосознаваемой психологической установки, и эта концепция была ведущей в институте. Согласно этой концепции, многое в поведении человека определяется выработанными на протяжении жизни установками, которые формируются исподволь и не осознаются. В отличии от многих положений психоанализа, эта концепция, будучи относительно более простой, поддавалась экспериментальной проверке, и с некоторой натяжкой ее можно было рассматривать как альтернативу классическому психоанализу. Благоприятными для созыва Конгресса были и тенденции в международной обстановке: стремление правительства СССР к разрядке, к упрочению экономических и научных связей с Западом, и в связи с этим – желание произвести впечатление открытого общества. Благодаря этим тенденциям идею Конгресса поддержал влиятельный бонза от идеологии – вице-президент АН СССР Петр Федосеев. К тому же Шерозия в прошлом был его аспирантом.

Бассин и Шерозия распределили обязанности. Бассин взял на себя информацию и приглашение иностранных ученых, Шерозия – организацию их приема в Грузии за счет Грузинской Академии Наук. Мне Бассин предложил стать Ученым Секретарем Оргкомитета (который еще предстояло создать), пока же я был «на подхвате» для выполнения разных поручений.

В соответствии с отечественной традицией, где есть трое,

должен появиться и четвертый, примкнувший к ним. Им стал профессор Леон Шерток из Парижа, известный в мире и в СССР своими работами по гипнозу при психических и психосоматических заболеваниях. Высокий, подтянутый, с породистой внешностью, живой, остроумный и темпераментный – он был подлинным эталоном француза (разумеется, еврей из дореволюционной Польши). Он свободно говорил на всех мыслимых языках, включая экзотические, и знал всех на свете – словом, идеальный кандидат для нашего представителя на Западе. Он возглавил представительнейшую французскую делегацию и консультировал Бассина по подбору Западных ученых. Это была очень ответственная миссия: любой недоброжелатель или даже просто недостаточно осторожный иностранный делегат, недоучитывающий сложность и необычность всего мероприятия, его идеологическую двусмысленность, мог поставить под удар и цели Конгресса, и его устроителей. Шерток претендовал на точность оценок и требовал, чтобы кандидатуры всех приглашенных согласовывали с ним. Однажды Бассин показал мне его краткую и выразительную телеграмму, полученную им от Шертока в ответ на сообщение о приглашении одного ученого без санкции Леона: «Безумец или провокатор?». Бассин и Шерток были знакомы много лет и не очень ограничивали свой темперамент в процессе общения. Я расскажу дальше, как по иронии судьбы именно французская делегация, столь тщательно подобранная нашим другом Шертоком, чуть бы-

ло не поставила нас на грань катастрофы.

Осенью 1975 г. я получил первое ответственное задание. Я ехал в Тбилиси на съезд физиологов, и Бассин просил меня встретиться с Шерозией и уточнить детали подготовки грузин к приему иностранных гостей. Мы встретились, и разыгралась сцена из «Двенадцати стульев». «Вы хотите сказать, что мы должны взять на себя расходы по приему всех иностранных участников?» – спросил Аполлон Епифанович. Я насторожился. «Разумеется. Ведь такова была договоренность, и Филипп Вениаминович уже рассылает приглашения, давая гарантии от своего имени. Условия нельзя изменить – репутация профессора Бассина окажется под угрозой». «И какая же сумма потребуется?» – осторожно спросил Аполлон. Я произвел ориентировочный подсчет и назвал сумму, действительно, немалую (по крайней мере для меня) ибо мы приглашали человек 120. Наступила пауза. «Скажите, а половина этой суммы не могла бы выручить Бассина?» – внезапно спросил Шерозия. – «Гиганта мысли и отца русской демократии» – немедленно с наслаждением добавил я про себя, одновременно удивляясь точности этого определения в данном случае. И ответил в полном соответствии с первоисточником: «Я полагаю, что в этой ситуации торг не уместен».

Это было первое предупреждение свыше о природе всего мероприятия. Когда через 4 года я прилетел на открытие Конгресса в Тбилиси, который уже мысленно именовал

Нью-Васюки, я не очень удивился, что Конгресс будет открыт в здании Шахматного Клуба.

Между тем энтузиазм в мире и стране по поводу задуманного Конгресса нарастал. На имя организаторов стали поступать десятки докладов на четырех языках. Бассин поручил мне их просматривать, группировать по разделам и готовиться к серьезному редактированию. Материалы касались всех возможных аспектов проблемы: философских, психологических, медицинских, физиологических, искусствоведческих и т. п. Мы были поражены, сколько людей в стране, вопреки запретам, интересуется этой проблемой, думает над ней и работает в этом направлении. Большинство статей было интересно и квалифицировано написано – и отнюдь не только зарубежных. Редактировать все это параллельно с основной работой было трудно. Бассин предполагал, что собрав все материалы мы вместе уедем на несколько месяцев в Тбилиси и поработаем в спокойных и комфортных условиях. Президент Грузинской АН обещал попросить ректора моего института отпустить меня в командировку в Тбилиси. Я был уверен, что такой фигуре ректор не откажет, и в предвкушении приятной работы в Тбилиси в симпатичном обществе небрежно просматривал рукописи, периодически делая для себя короткие заметки на полях.

Президент позвонил ректору, и ректор ему отказал. Несчастный Ротенберг остался в Москве. Несчастный Бассин уехал в Грузию один, взвалив на себя килограммы руко-

писей. Вскоре от него пошли письма.

– «Мой юный друг, Ваши замечания на полях своей краткостью напоминают реляции Наполеона его маршалам:– Сократить. – Убрать цитаты. – и т. п. Но, мой друг, у Вас нет маршалов, у Вас есть один старый, больной, измученный человек, который не может выполнить все эти Ваши гениальные указания».

– «Обратитесь за рукописью к профессору А. Эта дама с юных лет привыкла что ее очень просят. Мне она обещала. Попросите и Вы».

В свои 71 Бассин должен был выполнить в короткий срок работу, расчитанную минимум на двоих. Он превосходно с ней справился. Три огромных тома вышли перед Конгрессом (четвертый вышел по итогам Конгресса), и до сих пор эти материалы не утратили своего значения. А сколько серьезных ученых по всей стране вздохнули с облегчением, что проблема вышла наконец из подполья и ее не надо больше вытеснять в собственное бессознательное. Я знаю, что многим людям это помогло защитить безнадежные, казалось бы, диссертации.

Конгресс приближался, и количество проблем нарастало. Незадолго до его открытия мы узнали, что Министерство Здравоохранения запретило специальным приказом давать командировки медикам на этот Конгресс. Никогда не думал, что это возможно – вот уже и Академия, и правительство, и ЦК признали проблему бессознательного, а Минздрав еще

держался. Бассин послал меня за помощью к человеку весьма влиятельному – Игорю Николаевичу Смирнову, Ученому Секретарю Отделения Философии и Права АН СССР. Смирнов позвонил замминистра Минздрава и состоялся диалог, достойный воспроизведения.

«А – сказал замминистра – знаю, знаю. Это несколько проходимцев (!) затеяли это сборище и пригласили на него вейсманистов-морганистов» (Какое сочетание безупречного чутья и безграмотности! В 1979 г. замминистра Минздрава не знает разницы между фрейдистами и вейсманистами, т. е. представителями генетики – еще одной лженауки. Все лженауки у него на одно лицо.) «Простите – спокойно спросил Смирнов – не могли бы Вы уточнить, кого именно Вы считаете проходимцами – Федосеева, Кириллина (Председателя Госкомитета по Науке и Технике) или Председателя Совета Министров Грузии?».

Ответа не последовало. Замминистра швырнул трубку на рычаг. Приказ отменен не был, и многие медики брали отпуск, чтобы участвовать в Конгрессе.

Атмосфера вокруг Конгресса все более накалялась. Внезапно мне позвонили из МИДа. «Скажите – спросил вежливый вкрадчивый голос – под каким флагом будет выступать Ваш гость профессор Аммон?» Я совершил гигантское интеллектуальное усилие и догадался: «Под флагом Западного Берлина». На том конце провода одобрительно и понимающе усмехнулись. «Верно. Но не дай Вам Бог, чтобы случай-

но перед ним оказался флаг Западной Германии. Это будет грубая политическая ошибка с серьезными последствиями для Вас лично».

Я покрылся испариной и позвонил в Тбилиси. Выяснил, как и ожидал, что в программе Гюнтер Аммон числится представителем ФРГ. Попросил перепечатать программу.

Иностранцы летели в Тбилиси через Москву, надо было организовать их встречу и транспортировку в Грузию. Я пошел просить помощи в отдел международных связей Академии. Там сразу начались непредвиденные трудности. «По какому праву Ваш Конгресс называется международным?» – спросил чиновник. – «По протоколу это название может быть дано только конференциям, которые устраивают международные организации. Какая международная организация за Вами стоит?». Я тут же вспомнил одиозный и почти однозначный национальный состав участников, как из СССР, так и зарубежных. Чуть было не назвал эту международную организацию. Вовремя удержался. Отговорился распоряжением Федосеева. К нему претензий не было.

Чиновник просмотрел список из сотни западных ученых, выяснил даты их прибытия и обещал помочь. Но от списка ученых из социалистических стран отказался, и послал меня в другой отдел, занимающийся этими странами. Там никак не могли понять, о каком Конгрессе вообще идет речь. Грузины забыли поставить их в известность. Наконец, чиновник что-то уловил из моего растерянного бормотания.

«Вы хотите сказать – спросил он ласково, что Вы уже пригласили этих людей без нашего ведома, и они уже летят? В таком случае это судебное дело». Он полюбовался произведенным впечатлением (было чем) и продолжил: «Хорошо, я вижу Вы в этих делах новичок и ничего не понимаете. Как это Вас сделали Ученым Секретарем Оргкомитета? Пойдем в Первый Отдел. Я сам проверю, нет ли среди приглашенных персон нон-грата. Если нет – считайте, что Вам повезло – я закрою на все глаза. Если вдруг есть – Вы пойдете под суд, впрочем вместе с председателем Оргкомитета». Я сел в прихожей Первого Отдела. Ждать было тягостно. Я позвонил Бассину. «Никуда не уходите – сказал я злорадно – Ждите. Скоро я сообщу Вам, сядем ли мы вместе в тюрьму».

Наконец я сам сел в самолет с ощущением, что отмучился. У меня был договор с Ф. В. что мои обязанности кончаются когда я приземлюсь в Тбилиси. Не мог же я, в самом деле, продолжать мою успешную организационную деятельность в городе, где никого не знал. Я ехал участвовать в научном Конгрессе. Как я был наивен!

В первый же вечер, накануне открытия Конгресса, мне в гостиницу позвонил Бассин. «Спуститесь в комнату Оргкомитета, там какие-то проблемы с синхронными переводчиками» – и абонент отключился – на всю ночь. А я пошел выяснять проблему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.